

Марина Эльденберт

Парящая для дракона.

Прыжок в бездну

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Ледяное сердце Ферверна

Марина Эльденберт

**Парящая для дракона.
Прыжок в бездну**

«АЛЬФА-КНИГА»

2021

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Эльденберт М.

Парящая для дракона. Прыжок в бездну / М. Эльденберт —
«АЛЬФА-КНИГА», 2021 — (Ледяное сердце Ферверна)

ISBN 978-5-9922-3263-9

Миры людей и иртханов находятся на разных полюсах. Эту простую истину я знала с детства, но, когда речь зашла о моей свободе, я прочувствовала ее особенно остро. Избравший меня дракон хочет видеть меня своей. Своей собственностью, но я так жить не смогу. Все, что мне остается, — сделать свой ход. Который изменит всю мою жизнь и перевернет ее с ног на голову. Который отрежет все пути отступления, как прыжок в бездну. И единственным спасением в ней станет... любовь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3263-9

© Эльденберт М., 2021
© АЛЬФА-КНИГА, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Эндельберт

Парящая для дракона. Прыжок в бездну

Глава 1

Я так много хотела ему сказать.

У меня было столько слов, когда я набирала его номер, но сейчас я почему-то не могу вытолкнуть ни одного. Они будто все застыли во мне под его взглядом. Примерно так же он смотрел на меня в первый раз, когда я ворвалась в его кабинет – чтобы сразу покончить с нашим знакомством.

Он проходит в комнату так стремительно, что я даже не успеваю подняться: Торн уже стоит передо мной. Пальцы ложатся на мой подбородок, заставляя вскинуть голову. Не сразу, но я понимаю, что он рассматривает мою пылающую щеку, и мне становится стыдно. Так стыдно, хотя, по сути, после того, что случилось...

– Пусти. – Я сбрасываю его руку и поднимаюсь.

– Кто это сделал? – Его голос такой же холодный, как взгляд. Не просто холодный, он ледяной, пробирающий до костей.

– А это имеет значение?

– Имеет.

– Не сейчас. – Я обхватываю себя руками и смотрю ему в глаза.

Мне жизненно важно услышать то, что он сейчас скажет, и меня всю трясет. Потому что если претензии от отца я готова была выслушивать... хорошо, не готова, но если это я могла пережить, то от него... только не сейчас. Но он ничего не говорит, просто подходит к стулу, на котором по-прежнему висит мое пальто, а после снова возвращается ко мне.

– Мы уезжаем, Лаура.

– Что, вот так просто?

– Сложнее сделать уже не получится.

Это не обвинение, по крайней мере, не прямое, но меня снова начинает потряхивать.

– Торн. – Хотя еще пару минут назад я думала, что не смогу вытолкнуть из себя ни слова, что не готова перед ним оправдываться, что я не должна перед ним оправдываться, сейчас мне снова хочется это сделать. Не оправдываться – объяснить, только чтобы выражение в его глазах, этот лед растаял, рассыпался крошкой. Мне надо, чтобы он понимал, что это произошло случайно. Поэтому я делаю глубокий вдох и произношу: – Торн. Меня отравили. Меня накачали чем-то. Я не знаю, как...

– Я знаю. – Он подает мне пальто, и я на автопилоте сую руки в рукава. – Запрещенное вещество, которое обнаружили в крови у тебя и у твоих однокурсников, очень хорошо сочетается с любой едой или питьем. С алкоголем – гораздо хуже. Я знаю, что ты не пила, Лаура.

Последним он перебивает меня раньше, чем я успеваю сказать хотя бы слово, и мне ненадолго становится легче. Но очень ненадолго.

– Говорить об этом теперь уже не имеет смысла. Сейчас мы уезжаем, решать проблемы будем по мере их поступления.

Торн отступает, пропуская меня вперед, и я шагаю к двери. Почти.

Потом возвращаюсь, выключаю фоторамку, с которой мне улыбается мама, и кладу в сумку. В этом доме мне больше нет смысла оставаться, а проблемы, как правильно говорит Торн, надо решать по мере их поступления.

– Все твои вещи привезут позже, – говорит он.

– Завтра у отца вступление в должность.

Я не знаю, зачем я это говорю, потому что вряд ли он об этом не знает.

– Вступление в должность придется отложить.

– Что?! – Я вскидываю голову. – Почему?!

– Все вопросы потом, Лаура.

Его губы складываются в жесткую линию, и я понимаю, что он мне больше ничего не скажет. Во всяком случае, не здесь. Поэтому я молча выхожу, молча спускаюсь по лестнице и так же молча останавливаюсь перед дверью, рядом с которой замерли мергхандары. Проводить меня не выходит никто: ни отец, ни Ингрид, ни Сильви. Даргел, наверное, вышел бы, но Даргела здесь нет, зато есть Торн, который, в отличие от меня, не останавливается.

Флайсы охраны вереницей взмывают в воздух, и я зачем-то все-таки оборачиваюсь. На одно короткое мгновение, чтобы увидеть стремительно удаляющиеся огни дома. Это настолько остро, что я сжимаю кулаки и мгновенно отворачиваюсь, возвращаясь в салон флайса. Здесь пахнет кожей и резкостью морозного инея. Торн заканчивает разговор по телефону коротким:

– Лучше с утра. – И отключается. В эту минуту я понимаю, что больше так не могу.

– Поговори со мной, – тихо выталкиваю из себя. – Пожалуйста.

Он смотрит на меня в упор.

– Да, я это допустила, – произношу, глядя ему в глаза. – Но я даже представить себе такого не могла. Торн, это же... я же не могу жить с постоянной мыслью о том, что меня могут отравить, подставить, что...

Я даже слов не могу подобрать, а еще меня опять начинает трясти. Эта внутренняя дрожь то возвращается, то исчезает, но мне надо договорить:

– Торн. Я не хотела, чтобы все получилось именно так. Но оно получилось. Мне сейчас очень больно. Очень тяжело. Очень страшно. Пожалуйста, не отворачивайся от меня. Пожалуйста, поговори со мной. Я хочу знать, что ты чувствуешь.

– Ничего.

Это звучит как хруст ломающегося льда, под который я готова провалиться. С головой в ледяную воду, которая вопьется в тело тысячами обжигающих игл и потянет на самое дно. Потянула бы. Если бы он не продолжил:

– Я не могу себе позволить ничего чувствовать, Лаура. Потому что если я это себе позволю, я сломаю хребет тому парню, который тебя лапал. А следом – тому, кто все это устроил.

Он говорил неестественно спокойно, и даже зрачки его оставались человеческими. Насколько человеческими, что это было куда страшнее, чем если бы радужку заливала ярость драконьего пламени, располосованного вертикальными стилетами. Торн, который никогда в жизни еще не казался мне настолько драконом, как в эти минуты, чуть подался вперед.

– Поэтому я ничего не чувствую, Лаура. Ни-че-го.

Последнее «ничего» оказалось настолько жутким, что обострившиеся в присутствии дракона инстинкты отбросили меня назад, заставляя вжиматься в спинку кресла. Я рывком выдернула себя из этого состояния и потянулась к нему.

– Я люблю тебя, Торн, – прошептала тихо. – Пожалуйста, давай пройдем через это вместе.

Его ноздри раскрылись, словно он готовился выпустить пламя, вместо этого дракон подался назад:

– Поговорим в резиденции.

Стена, отрезавшая меня от него, была гораздо мощнее ультрасовременной защиты уносящих нас к телепорту флайсов. Ее не пробить словами. Не сейчас. Я сделала все, что могла, и все, что мне оставалось, – просто ждать. Поэтому я тоже подалась назад и стала смотреть на мельтешащие ленты скоростного движения Хайрмарга.

Резиденция встречала нас тишиной и готовым ужином. Правда, пока мы добрались до ужина, прошло еще два часа, а узнала я о нем исключительно благодаря тому, что ко мне

заглянул Дораж. Я в это время сидела рядом с драконенком и Гринни, которые возились с игрушками, но уже лениво. После прогулки, на которой эти двое носились и летали, оставив всю свою неумную энергию на свежем воздухе, сейчас эта умиротворенная возня была скорее проявлением желания еще чуть-чуть побыть со мной. Я видела, что у них закрываются глаза, поэтому отложила игрушки. Как раз в это время и пришел шеф-повар.

Драконенок поднял голову, оценил степень угрозы (нулевая), после чего устроил голову между лап и снова закрыл глаза.

– Лаура? Ты как?

Кажется, он был единственным, кто об этом спросил, и я улыбнулась.

– Чудесно.

– Правда чудесно? – Дораж посмотрел на застывшего у стены мергхандара, а я поднялась.

– Давай оставим их и поговорим где-нибудь в другом месте.

Гринни сердито засопела, подползла к Верражу под бок и свернулась клубком, а мы с шеф-поваром вышли в коридор. Если честно, я не представляла, где здесь разговаривать, кроме моей комнаты, поэтому туда мы и пришли. Сопровождение осталось за дверями, а я подошла к окну, разглядывая насыщенно густой темно-синий зимний пейзаж. Впервые за долгое время он не вызывал у меня умиротворения, а еще я отчаянно захотела лета. Так отчаянно, как, наверное, не хотела никогда в жизни.

Лето...

Я подошла к сумке и достала фоторамку, включила.

– Твоя мама? – Дораж подошел поближе.

– Да.

– Красивая. Очень красивая, как и ты. Кстати, ужин готов. – Шеф-повар мне подмигнул.

А я, к своему удивлению, поняла, что хочу есть.

Думала, что после такого «обеда» мне неделю не захочется смотреть в сторону еды, но, видимо, нейтрализатор, который мне вкололи, действительно был сильным. Потому что от тошноты, помутнения сознания и озноба не осталось даже следа. Я как будто заново родилась.

Другой.

– Пожалуй, это самая отличная новость за сегодняшний день. – Я подмигнула ему в ответ.

– Мне приятно тебя порадовать. – Он тоже улыбнулся, а после мгновенно стал серьезным. – Вся эта политическая возня... ненавижу это. Мне очень жаль, что так случилось, Лаура. Правда.

– Благодарю. – Я коснулась его руки. – Ты можешь то же самое сказать Торну?

Он шутливо вскинул вверх руки.

– Оставлю эту инициативу тебе. Ты, главное, скажи, когда накрывать.

– Скажу, – пообещала я.

В присутствии этого человека невозможно было не улыбаться, а когда улыбаешься – невозможно думать о чем-то плохом. Лично у меня не получалось, поэтому к Торну я шла уже совершенно в другом настроении. Мне надоело чувствовать себя виноватой. Точнее, не так. Мне надоело думать о том, что я могла бы не пойти на эту вечеринку, что могла бы не пить, не есть, да, в конце концов, просто раньше уйти, как и собиралась. Могла бы. Но не ушла.

Последствия, какими бы они ни были, нам теперь разбирать вместе. И, судя по тому, что Торн сразу по возвращении скрылся в кабинете, но так из него и не вышел, разбирать их мы будем долго. Тем не менее я сделаю все от меня зависящее, чтобы его поддержать.

Остановившись у дверей кабинета, я постучала и только после этого вошла. Вопреки моим представлениям, он не говорил по телефону и даже не работал. Крышка ноутбука была открыта, но экран погас. Как давно, я не знала, равно как и сколько он так сидит, глядя сквозь него жестким взглядом навывлет.

Этот взгляд ударил в меня, стоило мне войти.

– Дораж Эмери позаботился о нашем ужине, – сказала я. – Как насчет того, чтобы этим воспользоваться?

Торн кивнул.

– Тогда я попрошу, чтобы нам накрыли на стол.

Все хорошо?

Этого я не спросила, потому что, как бы мне ни хотелось преисполниться оптимизмом, все хорошо не было. Для него так точно. И как следствие – для меня. Тем не менее, пока я занималась ужином, все было хорошо, и даже лучше. Организаторская деятельность вообще здорово повышает жизненный тонус. Накрыли нам быстро, настолько быстро, что я хотела даже набрать Рин, но, пока думала о том, что если она мне не пишет и не звонит, значит, с нейтрализатором ей не так повезло или вообще не повезло, пришел Торн.

Мы устроились друг напротив друга, жалюзи я предусмотрительно опустила, чтобы не было искушения (у меня в первую очередь) смотреть в окно. Потому что мне нужно было смотреть на него, мне жизненно важно было смотреть на него. На мужчину, которого я любила.

– Приятного аппетита, – сказала я, снова первой нарушив молчание.

Развернула салфетку и улыбнулась. Потянулась за приборами, попробовала салат и поняла, что все-таки себя переоценила. Организм сказал: «Есть – это не в меня», – и я решила, что можно будет просто аккуратно поковыряться в кулинарном шедевре (у Доража по-другому не бывает).

– Лаура, как прежде уже не будет.

Я так увлеклась продумыванием судьбы салата, что сейчас вздрогнула. И подняла голову. Торн смотрел на меня в упор, спокойно – так же спокойно, как и во флайсе. Неестественно.

– Я понимаю, – сказала я. – Но я сделаю все, что потребуется. Ты... или пресс-секретарь наверняка научите меня, что делать и что говорить.

Я не шутила и не была предельно серьезной, я просто старалась разрядить обстановку. Насколько у меня получалось – хороший вопрос.

– Я сейчас не об официальной части. Пока все не уляжется, ты останешься здесь.

– Здесь? Но я и так здесь. – Я пожала плечами. – И никуда не собираюсь.

– Здесь, Лаура, это значит, что все физиопроцедуры тебе будут делать в резиденции. В Хайрмарг ты в ближайшее время не вернешься.

О салате я как-то сразу забыла. По-хорошему его тоже стоило чем-нибудь накрыть, чтобы не смотреть уже на него вместо окна, но сейчас я сразу же подняла голову. Ударилась об очередную ледяную стену, замерла.

– Что значит – не вернусь? – переспросила я. – Физиопроцедуры – не единственное, зачем мне нужно в город. Мне необходимо возобновить тренировки сразу после завершения курса, у меня кастинг почти сразу после праздников. Ты же и сам прекрасно это знаешь, Торн! Мне нельзя терять время, особенно после того, что случилось...

– Ты не поедешь в Рагран, Лаура. – Он даже не притронулся к еде. – Кастинга не будет. Я его отменил.

Торн произнес это настолько серьезно, что я ни на мгновение не усомнилась в его словах. Кастинга не будет. Он его отменил. Не знаю как – написал тем, кому в свое время звонила Рин, или это сделали за него, – да, с наибольшей вероятностью это сделали за него, или... Все это было уже не важно. Он это сделал. Он просто это сделал, как в свое время подарил мне надежду, точно так же сейчас ее уничтожил. И вместе с ней мое сердце.

– Прости, – сказала я, откладывая салфетку. – Сейчас мне лучше уйти.

– Останься.

Это была не просьба, не приказ, а нечто совершенно новое. Совершенно иное, что сейчас рождалось, перекраивалось, сплавлялось из наших отношений в то, с чем мне придется жить всю жизнь.

– Зачем? – спросила я. – Ты уже все решил без меня. Ты уже все сделал без меня. Думаю, ужинать тебе тоже лучше без меня.

– Это не так.

– Не так – что именно? – Я посмотрела ему в глаза. – Я только что узнала, что ты выбросил мою мечту на помойку, Торн. Боюсь, я несколько неадекватна сейчас. А еще я боюсь, что, если сейчас позволю себе чувствовать, выражаясь твоими словами, это может очень дорого мне обойтись.

Или нам.

Хотя... никаких нас никогда и не было. Были только я и он – правитель, привыкший казнить и миловать, дарить и отнимать. Только его решения всегда были важны, и если он хотел сделать для меня что-то, он это сделал. Не хотел – ну извини, Лаура, тебе все равно придется улыбаться и делать вид, что все хорошо. Потому что у первой ферны нет другого выбора. Но у меня есть. Потому что я не первая ферна.

– Возьми, – сказала я, снимая кольцо. – Возьми и оставь его себе, я не выйду за тебя, Торн. Твоя репутация не пострадает, особенно если сейчас ты откажешься от меня. Сразу. Скажешь, что не можешь жениться на девице с сомнительным прошлым или... которая не умеет держать себя в руках.

Я была права, мне надо было уйти. Мне надо было уйти сразу, не продолжая, не спрашивая, игнорируя его «останься», – так же, как он игнорировал все мои попытки достучаться до него сегодня. Но я не ушла точно так же, как не ушла из того ненавистного ресторана, и, может быть, оно и к лучшему, потому что иначе я бы вышла за него. Иначе я не сказала бы все то, что чувствую, потому что в отличие от него я не чувствовать не могла.

– Я уже говорил, что не отпущу тебя, Лаура. – Мою руку перехватили раньше, чем я успела подняться. Кольцо вернулось на место, а жестким взглядом меня пригвоздили к стулу. – Чем раньше ты это поймешь, тем лучше для тебя.

– Серьезно? Насильно заставишь меня выйти замуж? И как ты себе это представляешь? Мы даем клятвы, а по обе стороны от меня – мергхандары, которые не дают мне сбежать? Может, они еще и говорить за меня будут?!

Я с трудом находила слова. Я могла бы просить его сказать, что все это неправда, что не было никакой отмены кастинга, могла бы попросить все вернуть, но это было бессмысленно. Поэтому меня сейчас трясло, и, пока эта дрожь не вырвалась наружу, пока в захлестнувшем меня отчаянии не накинута на него с потоком упреков – ты был мне нужен, почему вместо того, чтобы меня обнять, ты отнял у меня последнюю надежду, то, за что я могла бы держаться, пока пресса будет обрушиваться на нас с тобой снова и снова, – я плотно сжала губы.

– Отпусти, – сказала я. Вышло глухо, поэтому я повторила: – Отпусти.

Не знаю, к чему это сейчас относилось – к моей руке, которая в его ладони казалась запечатанной во льдах. Или к тому, о чем мы говорили раньше. Я вообще смутно понимала, что происходит, но мой мир рушился с такой скоростью, что я не успевала его восстанавливать. Мне не хватало дыхания. Не хватало биения сердца.

– Хватит.

Это прозвучало как пощечина. Жестко, отрезвляюще, остро.

И тогда я по-настоящему взорвалась. Рванула руку на себя с такой силой, что опрокинула бокал с водой прямо на пол. Стекло треснуло, осколками брызнуло мне под ноги.

– Нет, – сказала я. – Нет, Торн. Не хватит. Все это время я была рядом с тобой, все это время я пыталась до тебя достучаться. Сквозь твои бесчисленные кордоны, и какие бы ни были у тебя причины ими закрыться, я больше так не могу. Не хочу. Я больше тебе не верю. Я не хочу быть заложницей твоих единоличных решений и твоего нежелания впустить меня в свою жизнь. Да, я сегодня ошиблась, но, когда я шла на тот обед, я думала, что прощаюсь с однокурсниками. Думала, что это моя последняя вечеринка, потому что после того, как я стану

твоей, я больше не смогу на них появляться. Я даже не представляла, во что это все выльется, а ты – ты просто взял и решил за меня. Решил, что я недостойна даже обсуждения: ты отнял у меня то, что могло бы дать мне гораздо больше, чем...

Я задохнулась, покачала головой.

– Как я уже сказала, мне лучше уйти.

– Твоему отцу нужна эта должность.

Руки у меня были холодные. Почему-то это я сейчас ощущала ярче, чем что бы то ни было. Все остальное ощущалось довольно смутно.

– Ты этого не сделаешь, – сказала я.

– Мне и не придется.

Он этого не сказал, но явственно прозвучало: «После того, что сделала ты». После того, что сделала я, мне прямой путь в первые ферны... и только это поможет отцу сохранить должность, которую он уже считал своей.

– Торн, – сказала я, – давай разделим нас и мою семью. Они тут ни при чем.

– Ты еще не поняла, Лаура? – Он тоже отложил салфетку и поднялся. – Когда дело касается власти, «ни при чем» не работает. Твоя семья – это твоя ответственность. За все, что ты делаешь или говоришь, придется отвечать. Поэтому сейчас ты пойдешь к себе, а завтра утром я познакомлю тебя с новым пресс-секретарем. Он расскажет, что тебя ждет в ближайшие две недели.

Я открыла рот, чтобы возразить, объяснить... но поняла, что и это тоже бессмысленно. По сути, бессмысленно было даже то, что я делала до этой минуты. Поэтому я развернулась и вышла, и мергхандары, которые теперь не отходили от меня ни на мгновение, провожали меня до самой комнаты. Там я устроилась на подоконнике, подтянула к себе колени и, обняв их руками, долго смотрела в сгустившуюся синеву зимней ночи.

Глава 2

– Вот же ларркин выродец, а, – процедила Рин. – Да если бы я знала...

– Никто не знал, – сказала я.

– Никто, кроме него, правда? Вот ни за что не поверю, что он не приложил к этому свои грязные лапы! Чтоб у него лишай на заднице вылез. А еще лучше на...

– Ты сама как? – спросила я.

Это меня интересовало гораздо больше, чем лишай на любом месте Миста, а учитывая, что, когда я набрала Рин, она плевалась исключительно ядом в сторону моего бывшего и всех, кто нам это устроил, выяснить, как она себя чувствует, было довольно проблематично.

– Меня никогда так не тошнило, – сказала она. – Но это, наверное, ерунда по сравнению с тем, что там у тебя? Меня-то никто не фотографировал.

Я пожала плечами.

– Лал, не молчи. – Рин нахмурилась и отодвинулась, сложив руки на груди. – Что у тебя произошло?

– Это государственная тайна.

– Ха-ха. Очень смешно.

– А я не смеюсь. Мне запрещено говорить с кем бы то ни было о том, о чем я говорила с пресс-секретарем. Хотя, по сути, там и разговора-то не было.

Точнее, он был. Мужчина, который оказался на месте Мильды Хайц, смотрел на меня, но сквозь. Ровно столько времени, сколько требовалось для того, чтобы донести до меня информацию: мне запрещено так или иначе комментировать сложившуюся ситуацию в соцсетях, своим знакомым или друзьям (можно подумать, я бы сама до этого не догадалась). Вся политика сейчас будет выстроена на том, что меня отравили и что все случившееся находится под контролем внутренней разведывательной службы. Дело, о котором сейчас писали все журналисты, из развлекательного превратилось в политическое.

– Ферна Хэдфенгер не дает комментариев по поводу случившегося. – Таково было официальное заявление пресс-службы Торна. – Вся ответственность за произошедшее возлагается на организаторов покушения, стремящихся замаскировать попытку убийства под скандальную случайность с запрещенным веществом на студенческой вечеринке.

В этом же заявлении говорилось о том, что мне повезло: организаторы покушения не рассчитывали на вмешательство мергхандаров, которых на вечеринке не должно было быть. По той же причине я сейчас находилась в загородной резиденции, где мне был обеспечен высочайший уровень защиты.

– Но это реально было покушение? – шепотом переспросила Рин. – Тебя действительно хотели убить?

– Сомневаюсь, – сказала я. – Иначе мы бы с тобой не разговаривали.

– Ты так думаешь?

– Я не знаю, что думать. А Торн со мной не разговаривает.

Вот не собиралась я этого говорить, оно само вырвалось. Как бы там ни было, он действительно со мной почти не разговаривал. Утром ничего не изменилось ни для меня, ни для нас – исключительно сдержанный завтрак, знакомство с пресс-секретарем, предупреждение о нашей линии поведения и... все. Потом они с пресс-секретарем отбыли в Хайрмарг, а я осталась. Успела посмотреть заявление, погулять с Верражем и Гринни, ну и вот – позвонила Рин. После ее сообщения.

– Как бы там ни было, он с ними разделается.

Это прозвучало кровожадно.

– Ты знаешь, что Мист под следствием? – продолжала подруга. – Что его только-только отпустили сегодня утром и вид у него был совсем не геройский?

– Подозреваю, об этом знает весь Хайрмарг. То есть весь Ферверн.

– Туда ему и дорога, – почти прорычала Рин. – Гаденыш. Мерзкий, мстительный гаденыш.

– Рин, давай сменим тему? – попросила я. – Я хочу хотя бы пять минут не говорить ни о Мисте, ни о том, что вчера случилось. Как Сэфл?

– Рвет и мечет. Сказал, что Мисту надо з... прости. Он тоже считает, что Мист к этому причастен.

Я вздохнула.

– Нет, ну серьезно. Он все это организовал! А на какие деньги? Я никогда за ним особой щедрости не замечала... – Рин осеклась. – Тебя это реально достало, да?

Нереально.

– Да.

– Слушай, но в этом есть один большой плюс: я смогу приехать к тебе в гости и посмотреть на резиденцию Верховного. Да-да, я помню, что ты меня приглашала на праздник, но до него еще времени дракон знает сколько, а я могу приехать сегодня. Хочешь, приеду? – Подруга внимательно на меня посмотрела. – Что?

«Никаких встреч. Никаких посещений, за исключением членов семьи. – Пресс-секретарь смотрел на меня в упор, и его цепкий взгляд напоминал крючья, которые охотники древности прятали в ловушках для драконов. – Если об этом посещении станет известно – а о нем непременно станет, журналисты не дадут этому человеку прохода. В отличие от вас их мы защитить не сможем, равно как и предсказать ход их беседы».

Все это звучало правильно и очень логично, хотя и отчаянно напоминало тюрьму в пустоши. Ферверн был единственной страной, где построили тюрьму для иртханов. Во всем мире для них существовало два вида наказания: таэрран, запирающая пламя магическая печать, чем-то напоминающая позорный ошейник, иногда в сочетании с домашним арестом, и смертная казнь. В Ферверне таэрран считалась пережитком прошлого, а меры пресечения были такие же, как и для людей. С той лишь разницей, что место заключения иртханов находилось в пустошах. Глубоко под землей.

На этой потрясающе оптимистичной мысли пикинул внутренний коммуникатор.

– Рин, прости. Внутренний.

Я спрыгнула с подоконника, который стал моим излюбленным местом. Подошла к тумбочке и, коснувшись панели приема, услышала голос Тиуса:

– Ферна Хэдфенгер, приехал ваш брат.

Дар? Дар!

– Тиус, пусть его проводят ко мне! – Я выключила связь коммуникатора и снова вернулась к Рин. – Рин! Дар приехал!

– Ну, хоть так, – проворчала подруга. – А то я уже думала, что мою Лауру подменили, а вместо нее посадили манекен.

– Манекен из меня никакой, – сообщила я.

– И я о том. Созвонимся тогда чуть позже. – Подруга усмехнулась. – Я тебя наберу. И не думай, в покое я тебя не оставлю. Нельзя встречаться, тогда буду доставать звонками.

Она отключилась раньше, чем я успела попрощаться, а я едва успела добежать до зеркала и посмотреть, похожа ли я на манекен, когда в комнату уже шагнул Даргел.

– Лаура!

– Дар!

Я бросилась к нему и обняла так порывисто, что он рассмеялся.

– Эй, тише. Ты меня так задушишь.

Правда, когда он обнял меня в ответ, вряд ли его объятия можно было назвать расслабленными.

– Сестренка, ты как?

– Я уже хорошо, – честно сообщила я. Так же честно стараясь не хлюпнуть носом от радости. Мне действительно было несказанно хорошо – вот так, в объятиях брата, просто стоять. Хотя «просто стоять» в этой ситуации было странно, мы стояли. Во мне бушевал настоящий ураган эмоций, которые я старательно в себе подавляла, и, видимо, Дар это почувствовал. Потому что отстранился и заглянул мне в глаза.

– Я безумно по тебе соскучился.

– Я тоже, – призналась я. – Хочешь кофе? Или пройтись?

– Кофе и пройтись вместе не предлагаются?

– Предлагаются, – сказала я.

Спустя двадцать минут мы уже шли по расчищенным дорожкам, по которым я обычно гуляла с Гринни и Верражем. Над одноразовым стаканчиком поднимался пар: себе я кофе попросила автоматически, и теперь так же автоматически его пила. Что касается брата, он к своему, кажется, вовсе не притронулся.

– Здесь красиво, – произнес Дар, когда мы отошли от дома на приличное расстояние.

Мергхандары не отставали, и это, наверное, было одной из причин напряжения, которое между нами возникло впервые.

– Да. Очень.

– Лаура... как так получилось?

Вопрос Даргела был не сказать чтобы неожиданным. К тому же я уже смирилась с тем, что все хотят знать, «как так получилось» и что я по этому поводу чувствую. В последнем, к слову сказать, я была не уверена.

– Отец тебе не рассказал?

– Он рассказал, что ты пошла отмечать и что тебя накачали какой-то дрянью. Пресс-служба говорит примерно то же самое, но уже более масштабно. А я хочу знать, что произошло на самом деле.

– Если я скажу, что не хочу об этом говорить, ты поймешь?

Дар все-таки отпил кофе и поморщился, как будто кофе был из дешевого автомата.

– Я спрошу, о чем хочешь поговорить ты.

– Я не знаю, что мне делать, Дар. Я запуталась.

Брат не стал останавливаться, увел меня на огибающую парк аллею и даже не обернулся, когда тени мергхандаров вытянулись поперек дорожки, словно преграждая нам путь.

– Что тебя беспокоит, сестренка?

– Торн.

– Торн? – Даргел нахмурился, невольно понизив голос.

– Ему не все равно, но ему... как бы все равно. Я не могу этого объяснить. Он даже ни разу не спросил меня, как я себя чувствую. Это же так просто, правда? Вот ты спросил. И Дораж Эмери тоже.

– Дораж Эмери?

– Шеф-повар. Он... ладно, не важно. В общем, я понимаю, что по сравнению с тем, что сейчас происходит, мои чувства крайне незначительны, но мне от этого больно. Мне страшно, что так будет всегда. Мне страшно, что меня не останется... если я останусь.

Вот теперь Даргел остановился. Оглянулся, как будто не представлял, куда ему поставить стаканчик с кофе, и замер. Мергхандары остановились тоже. Спасибо хоть, что в нескольких метрах, а не в непосредственной близости.

– Ты хочешь расторгнуть помолвку?

– Не знаю.

– Не знаешь?

– Нет. Я же говорю, я запуталась. А Торн молчит, он со мной вообще почти не разговаривает. Не считая того, когда ему нужно донести до меня официальную информацию.

– По-моему, – Даргел наклонился и все-таки поставил кофе прямо на дорожку, а после выпрямился и взял мою руку в свои, – вам нужно время. И тебе, и ему.

– А время что-нибудь решит?

– Время многое способно решить, Лали.

– Вот только у меня его нет.

– Разве нет?

– Время до праздника. Сколько его осталось? – Я закусила губу. – Он отменил кастинг, Дар.

– То есть как отменил?

– Вот так. После всего, что случилось... взял и отменил. Хотя когда он помог мне, когда он вернул мне надежду – после того, что случилось, я была просто... Я не знала, как мне его благодарить, и...

Я замолчала. Потому что за «и» даже не представляла, что можно добавить. Кроме того, что я люблю его, но об этом я брату уже говорила.

– Хочешь, я с ним поговорю? – Даргел по-прежнему серьезно смотрел на меня. – Можно отправить тебя на кастинг, обеспечив охраной. Такой охраной, что к тебе никто не приблизится.

– Дело не в этом. – Я покачала головой. – Мне кажется, что это наказание. И эта мысль не дает мне покоя. Он действительно мог обеспечить мне такую охрану, что даже жюри стало бы дурно. Мог, но не захотел. Или решил меня наказать. За своеволие. За все, что я допустила.

– Ты серьезно так думаешь?

– Я не знаю, что думать, – повторила слова, сказанные Рин.

– Вам надо поговорить, Лал.

Можно подумать, я сама этого не знаю.

– Как? Если он все время от меня закрывается.

– Он закрывается не от тебя, а от себя, сестренка. От того, что он чувствует.

– Ты это по собственному опыту говоришь?

– Разумеется. – Даргел улыбнулся. – Лично я всегда молчу, чтобы не наговорить лишнего. Спорим, ты тоже так делаешь? Поговори с ним. Еще раз. Уверен, что больше молчать он не будет.

– И сколько раз Мел нужно к тебе подойти, чтобы ты с ней заговорил после ссоры?

– Обычно это я к ней подхожу.

Я вскинула брови.

– Чаще всего. В девяноста девяти целых и куче девяток после запятой случаев.

– Мел с тобой повезло.

– Рад, что ты это понимаешь. Теперь осталось донести это до нее.

Я невольно улыбнулась.

– Наверняка она тоже это понимает.

Даргел хмыкнул.

– Будем надеяться.

Он снова обнял меня, защищая от ветра, взметнувшего по дорожке вихри колючих снежинок.

– Теперь у тебя будет кофе со вкусом зимнего парка.

– Ах да. Кофе.

Даргел снова наклонился, поднял стаканчик. Отпил.

– Кстати, я привез твои вещи. То, что осталось. Ингрид их собрала.

Вещи! Значит, и комплект белья там же.

– Она просила тебе передать, что приедет завтра по поводу платья. Насколько я понял, посторонних к тебе не пускают, поэтому платье привезет она. Точнее, то, что оно сейчас из себя представляет. Я выслушал море информации по выкройкам и претензий на тему, что ей придется все делать самой, то есть прикалывать тебя булавками...

– Прикалывать меня булавками – это очень точное определение. Уверена, что это именно то, что Ингрид хочет сейчас со мной сделать.

Даргел расхохотался.

– Знаешь, мне тоже так показалось. Поэтому держись от нее подальше.

– Это будет сложно, если она будет с платьем и с булавками.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, потом Даргел поцеловал меня в макушку и отстранился.

– Не вешай нос, сестренка. Все будет хорошо.

– Даже не сомневаюсь. – Я задрала этот самый нос как можно выше.

– Вот! Это уже больше похоже на Лауру Хэдфенгер. Хотя тебя теперь уже называют не иначе как Лаура Ландерстерг.

– Кто?!

– Все. Везде. – Даргел кивнул в сторону дома. – Возвращаемся?

– Возвращаемся. – Я взяла его под руку.

Беседа с Даргелом меня воодушевила настолько, что я даже забыла о случившемся. Вот так впервые после всего этого просто выпала в другую реальность, в «здесь и сейчас» рядом с братом. В ту реальность, в которой сегодня вечером мне предстоял разговор с Торном. Хочет он или нет, ему придется меня выслушать. Ему придется меня слушать, если он хочет, чтобы наши отношения продолжались.

И чем скорее он это поймет, выражаясь его же словами, тем лучше.

– Ферн Ландерстерг только что вернулся, ферна Хэдфенгер.

– Благодарю, Тиус.

Я попросила дворецкого сообщить, когда Торн появится в резиденции, и появился он ближе к ночи. Если бы не желание поговорить с ним именно сегодня, я бы легла спать.

Несмотря на то что меня отрезали от Хайрмарга, я решила, что все равно буду танцевать. Правда, здесь не было лент, но разминку, разрешенную мне физиотерапевтом, я делала. И не только разминку, простые танцевальные движения, не связанные с сильной нагрузкой.

После ужина еще прогулялась с Гринни и Верражем, и напряжение от ожидания предстоящего разговора отступило, сменившись приятной усталостью. Такой, какая возникает после долгих прогулок и игр в снежки с полностью довольными жизнью малышами.

Драконенок уже смирился с тем, что от меня не исходит пламя. Кем он меня считал, сказать сложно, но то, что решил меня оберегать, выяснилось, когда один из мергхандаров шагнул ко мне слишком резко. Верраж мгновенно вздыбил чешуйки и утробно зарычал.

Сейчас, когда Тиус сообщил о возвращении Торна, мне почему-то вспомнился этот эпизод, и я улыбнулась. От защиты Верража я бы сейчас точно не отказалась, да хотя бы от защиты кого бы то ни было: напряжение вернулось, а вместе с ним вернулось и ощущение, что я – провинившаяся школьница, которую вызывают к директору. В данном случае меня никто не вызывал, но избавиться от этого чувства я не могла.

До тех пор, пока шла по коридору к его кабинету.

Зато стоило мне шагнуть за дверь, оно испарилось. Я поняла, что больше не хочу оправдываться и что больше не хочу быть школьницей. Если Торн желает видеть рядом с собой женщину и жену, а не приложение к его реформе, – хорошо. Если нет...

– Нам надо поговорить.

Он обернулся, встречая меня ставшим уже привычным ледяным взглядом.

– И тебе доброго вечера.

– Доброго. Что-то случилось?

Торн подошел к столу и указал мне на кресло.

– Мы выяснили, кто за этим стоит.

Я замерла.

– Кто?

– Присядь, Лаура.

Я приблизилась к столу и действительно опустилась в кресло. Только после этого сел он.

– Эллегрин Рэгстерн.

Он вытолкнул эти слова, как вложил недостающий кусочек в пазл, так же равнодушно и жестко, но мне вдруг стало не по себе. Оттого, сколько застывших чувств под этим скрывалось.

Я поднялась, обошла стол и опустилась к нему на колени. Так плавно и в то же время так быстро, как только могла, не давая себе времени передумать. Обвила ладонями его плечи, хотела прижаться, но Торн резко перехватил мои запястья.

– Ты что делаешь?

От неожиданности я даже не пошевелилась.

– Я сегодня не настроен на близость, Лаура.

– Идиот!

– Что?

– Я говорю, ты – идиот, Торнгер Ландерстерг! – Я взвилась с его колен, стряхивая его руки. – Ты не настроен на близость не только сегодня, но и вообще. В принципе. Ты хоть понимаешь, что я не могу так?! Не могу оставаться с мужчиной, который не позволяет себе ни малейшего чувства?! Ни капельки! Да, я понимаю, у тебя огромная ответственность, но рядом с тобой живые люди, и помимо огромной ответственности перед страной у тебя есть я. Как мы вообще можем общаться, если ты постоянно меня отталкиваешь?

Он вскинул голову, а потом так же резко поднялся.

– Ты не расслышала, что я сказал?

– Нет, я тебя прекрасно слышала! Эллегрин Рэгстерн. Я это слышала, и еще я слышала, что тебе больно. Поэтому я подошла к тебе. Поэтому хотела обнять, а не напрашиваясь – выражаясь твоими словами, – на близость! Торн! Я пришла поговорить не об Эллегрин. О нас. О том, что я хочу быть с тобой, но я не смогу с тобой быть, если ты будешь от меня закрываться.

– Я всегда такой, Лаура. И ты это прекрасно знала.

– Нет. Ты не всегда такой. Ты со мной говорил. В тебе есть чувства, и пусть они не всегда приятны, пусть от них иногда больно – в тебе они есть. Я это знаю, иначе бы ты не отключил щиты. Иначе не носил бы меня на руках и не сделал для меня то, что сделал... когда я упала. – Я приблизилась к нему, глядя в глаза. – Ты можешь сколько угодно меня отталкивать, но ты сам знаешь, что я права. Торн...

Я коснулась рукой его щеки, впитывая это прикосновение всем сердцем.

– Торн, я тебя люблю.

Больше я не успела ничего почувствовать. Ничего подумать, даже не успела вздохнуть – в глазах стоявшего напротив мужчины вспыхнул огонь. Дикий, звериный, настолько хищный, что я невольно отпрянула, но он просто перехватил меня за талию. Не давая сдвинуться с места, без труда удерживая раскрытой ладонью, обжигающей даже через платье льдом. Вертикальные полосы зрачков сначала раскрылись, а потом собрались в две тонкие линии.

В то же мгновение он опрокинул меня на стол.

Я вскрикнула – больше от неожиданности, хотя все тело в одно мгновение покрылось мурашками, а холод, исходящий от него, казалось, впитывается в каждую клеточку моего тела. Прижатые к поверхности стола ладони покалывало пульсацией от ледяной жесткой мощи.

От той, что врывалась в меня, заставляя саму превращаться в лед и плавиться под одним только этим взглядом. За мгновение до того, как Торн дернул меня на себя, и я всхлипнула. Этот всхлип отозвался в нем не то звериным рычанием, не то хриплым стоном, когда его губы впились в мои с такой силой, что дыхание во мне кончилось. Вместе с дыханием кончилась я сама, остались только его руки на моих бедрах, разводящие их.

И резкий рывок, когда меня накрыло ледяным пламенем и когда мы стали единым целым.

Обрушившаяся на меня сила была настолько яростной, что я закричала. Ногтями впинаясь в затянутую в пиджак спину, обхватывая его бедра ногами и чувствуя, как рождающееся во мне дикое наслаждение растекается от низа живота в грудь, поднимается вверх, рождая все новые и новые звериные стоны. Меня словно собрали в одну точку, в единое средоточие наших тел, поэтому, когда эту связь разорвали, я дернулась.

Как никогда раньше ощущая внутри пустоту – в те несколько мгновений, пока меня перехватили легко как пушинку, толкнув к столу животом и снова врываясь, – теперь уже сзади. От острой смены ощущений полыхнуло перед глазами, ногти скрежетнули по полировке, но я услышала только свой крик и его рычание.

Почувствовала вплетенные в волосы пальцы, заставившие запрокинуть голову, и горячее дыхание на шее. Короткая острая боль вспыхнула тысячей искр. От сжавшихся на коже зубов ледяные нити протянулись через все тело, превращая его в сгусток чувственного удовольствия.

Там, где по нарастающей шла пульсация.

Там, где ладони касались поверхности.

Там, где его ладонь сжималась поверх моего бедра, а после скользнула ниже. Грубой и жесткой лаской в вихре охватившего нас ледяного пламени, заставляя меня кричать снова и снова, пока во мне разом не лопнули все струны.

Я задыхалась, содрогаясь от наслаждения, еще чувствуя резкие сильные рывки, а потом – вместе с ним, снова. До одури и умопомрачения, до сорванного голоса и хриплых выдохов на пределе сил.

До резкого рывка назад и судорожного стона, прерванного закушенной губой.

Когда я оттолкнулась ладонями от стола и обернулась, меня вело. Перед глазами еще плыла иссиня-белая дымка, похожая на зимний рассвет. Я чувствовала себя пьяной: им. Настолько пьяной, что мне хотелось еще, еще и еще... И я потянулась к нему, в это звериное пламя, всеми инстинктами. Всем своим существом.

Чтобы услышать:

– Прости. Это больше не повторится.

Я моргаю. Его лицо кажется довольно далеким и в то же время безумно близким, и это ощущение тоже проходит, когда я понимаю, осознаю, чувствую смысл его слов.

– Да пошел ты! – говорю я и разворачиваюсь, но Торн перехватывает меня за локоть.

– Секс с пламенем, – произносит он. – По крайней мере, пока ты без харргалахт.

По крайней мере?! Во мне кончаются слова, а потом начинаются заново, и все они не должны принадлежать Лауре Ландерстерг. Да если быть честной, они и Лауре Хэдфенгер принадлежать не должны, но...

– Поставь свою харргалахт себе на задницу, – сообщаю я. – И гордись ею! Ты... ты просто...

Р-р-р!!!

Это даже не злость, я не знаю, как это назвать, от желания вцепиться ему в лицо или пнуть прямо в то, чем он собирался «не повторять» (все равно же больше не пригодится!), просто становится нечем дышать. Только сейчас я понимаю, почему: у меня в крови по-прежнему гуляет пламя в диком количестве. Это от него я пьяная. Это от него меня влечет к этому чудовищу с той же силой, с которой мне хочется его сейчас оттолкнуть. Или впитаться губами

в губы, зубами, с рычанием и яростью, мне не принадлежащей. Это от него я сейчас дрожу, даже вспоминая о диком, животном наслаждении...

– Секс с пламенем, – повторяю я, сбрасывая его руку. – Секс с пламенем, Торн Ландерстерг?! Вот что это для тебя?

– Ты сама придумала все остальное.

– Я? – шепчу почему-то севшим голосом. – Это я придумала? Когда? Когда ты говорил, что я свожу тебя с ума?

– Я от своих слов не отказываюсь.

Если можно было сделать что-то еще с большей отстраненностью, чем то, что он сделал сейчас – просто застегнул брюки и поправил рубашку, – то я смутно понимаю, что это вообще могло быть. Можно было бы спросить, от каких именно слов он не отказывается, но после случившегося спрашивать уже ни о чем не хотелось. Меня все еще вело, но первые признаки отрезвления уже были налицо.

Например, я вспомнила, зачем сюда пришла.

– Я хотела поговорить о другом, – сухо, настолько сухо, насколько это возможно, сказала я. Не нарочно. Просто во мне кончились чувства, и теперь я понимала, о чем он говорил. Если бы они не кончились, меня бы просто уничтожила эта сила, бьющаяся в самой глубине моего существа.

– Говори.

– Не сегодня.

Никогда.

Об этом я говорить уже не стала, просто поправила платье. Развернулась и вышла.

Я держалась до той минуты, пока шла по коридорам с мергхандарами. Пока поднималась к себе. Пока заглядывала к Гринни с Верражем, чтобы посмотреть на две сонные мордахи, вскинутые на открывшуюся дверь.

Только оставшись наедине с собой, на миг зажмурилась, сжала кулаки и... выдохнула. От звонка Дару меня отделяли какие-то считанные секунды, натянувшиеся невидимые нити внутри. Я могу ему позвонить, могу попросить меня забрать, могу даже собрать вещи, но мне ясно дали понять, что меня не отпустят.

Меньшее, что получится из этого звонка, – это конфликт брата с Ландерстергом. Если Даргел узнает обо всем, он... нет, я не имею права впутывать его во все это. Я вообще не имею права ничего ему говорить. Никому не имею.

Даже Рин.

Особенно Рин.

Я разделась как никогда аккуратно, повесила платье на плечики. Стоя в душе, смотрела на бегущие по запотевшему матовому стеклу капли воды, все отчетливее убеждаясь в том, что я должна сделать.

Глава 3

В комнате было невыносимо тихо – несмотря на то что в этой резиденции вряд ли было так оживленно раньше. Если честно, даже в последнюю неделю, когда подготовка к праздничной ночи шла полным ходом, даже тогда в ней не было так шумно, как сегодня. И даже в ту неделю, когда основная подготовка еще не началась, в ней не было так тихо, как сегодня в моей комнате. Или во мне.

Торн уехал на следующий же день до завтрака: он зашел попрощаться и сказать, что в силу сложившейся ситуации требуется его постоянное присутствие в Хайрмарге. Я бы сказала ему, что он попросту убегает, но, если бы я что-то сказала, во мне снова проснулись бы чувства, а этого я позволить себе не могла. По крайней мере, не в ближайшее время.

Поэтому я попрощалась, пожелала ему скорейшего разрешения всех вопросов и самоустранилась из этой ситуации. Так же, как самоустранился он. Мы оба существовали в одной реальности, но по обе ее стороны. Я видела, как было объявлено об аресте Эллегрин Рэгстерн, я слышала резкие заявления ее отца и наблюдала за волной, всколыхнувшейся над миром иртаканов в Ферверне.

Впрочем, волна прошла стороной, не задев меня.

В резиденции Торна меня вообще ничего не могло задеть, а учитывая, что я запретила себе думать об этом и чувствовать, – тем более. Вторая волна накатила, когда родители Мистхарда попытались заявить претензии по поводу ментального допроса, которому подвергли их сына, но эту тему тоже достаточно быстро закрыли. Особенно принимая во внимание тот факт, что их сын оказался причастным к покушению, и то, что ему теперь тоже предстоял суд.

Я наблюдала за этим равнодушно и отстраненно настолько, что временами мне самой не верилось, что все это происходит со мной. Меня записали в «неприкосновенные», а то, что обо мне писали в сети... ну, я предпочитала думать, что это пишут о моей однофамилице из Хайрмарга.

Моя жизнь разделилась на «до» и «после», и, наверное, я никогда раньше не думала о том, что такое политика. То есть не то что не думала, я даже не представляла и сейчас предпочла бы и дальше оставаться в блаженном неведении, но было уже поздно. Механизм уже был запущен, шестеренки крутились, и Лаура Хэдфенгер стремительно, день за днем, становилась Лаурой Ландерстерг – ларркой, спровоцировавшей бывшего однокурсника, соблазнявшей его и позволившей случиться тому, что случилось, и так далее и тому подобное.

Торну тоже доставалось.

Впрочем, политикам всегда достается, хотя об этом я раньше тоже как-то не думала. Равно как не думала и о том, что буду делать, когда все закончится.

Но сегодня, в эти недолгие минуты тишины, когда стилисты уже ушли, а до прихода Торна еще оставалось время, эти мысли нахлынули на меня будто потоки пламени, грозя испепелить или превратить в ледяную скульптуру, способную рассыпаться снежной крошкой от любого неловкого прикосновения.

Я думала о том, что за все это время мы с ним говорили три раза – по видеосвязи. О том, что даже не я, а стилисты посылали ему мои фотографии с репетиции образа. О том, что все наши разговоры сводились к тому, что он сообщал те или иные новости касательно праздника. В частности о том, что Рин и Сэфл в качестве приглашенных будут только на следующий день, но не ночью.

Сейчас я даже была этому рада.

Потому что, сжимая леденеющие руки, даже не представляла, что случится сегодня ночью.

Стук в дверь прозвучал так громко, что я вздрогнула.

– Лаура? Можно?

Голос отца доносился пока еще из-за двери, и я поднялась. Расправила юбку, струящуюся волнами снежного шелка.

– Да.

Мой голос даже не дрогнул.

С отцом мы все это время не разговаривали вообще. С того вечера, закончившегося пощечиной, до сегодняшнего дня я его не видела. Поэтому сейчас, когда он вошел, внутри меня все замерло и окончательно обратилось в лед.

– Чудесно выглядишь, дочка.

Это было так просто – зайти и сказать «чудесно выглядишь, дочка» после недель молчания. И я так же просто ответила:

– Благодарю.

Отец помялся в дверях, хотя я никогда раньше за ним такого не замечала. Юргарн Хэдфенгер всегда заходил куда бы то ни было без малейшего промедления и ложного неудобства. Сейчас же эта заминка была очевидна настолько, что я почувствовала ее физически. На уровне каких-то звериных инстинктов. Сама не знаю, откуда во мне это взялось, но такие вспышки у меня иногда случались, как будто часть пламени Торна навсегда осталась во мне.

– Готова стать Лаурой Ландерстерг?

– Лаурой Ландерстерг я сегодня не стану.

– Ты понимаешь, о чем я. – Он все-таки прошел в комнату и остановился рядом со мной. – Как ты?

Как я? Мне почему-то захотелось рассмеяться, и это меня напугало. Гораздо больше предстоящего.

– Чудесно. Разве не видишь? – Я повернулась к зеркалу.

Платье было похоже на свадебное. Бледно-голубые переливы на белом напоминали игру солнечного света на заснеженных вершушках гор. Лиф плотно облегал грудь, кружево казалось присыпавшим кожу снегом, искрящимся под лучами. Юбка обтекала бедра и уже книзу раскрывалась волнами. Дополнял все это великолепие комплект от «Адэйн Ричар», украшения подчеркивали и в то же время сглаживали эффект кольца у меня на пальце. Волосы мне уложили в элегантную прическу, единственной вольностью в которой были завитки на висках.

Я выглядела безумно дорого.

Я выглядела как будущая первая ферна.

И чувствовала себя точно так же. То есть – никак.

– Ты восхитительна, – повторил свою мысль отец.

Кажется, наши темы для разговора иссякли.

– Ингрид очень хочет на тебя посмотреть.

Не сомневаюсь. Пока мы готовили платье на завтра (которое мне уже не придется надеть), Ингрид постоянно расспрашивала о том, которое было сейчас на мне. Увы, оно держалось в строгом секрете. настолько строгим, что сложно было даже представить, какую ценность несет информация о выходе Лауры Хэдфенгер рядом с будущим мужем в праздничную ночь.

А ведь это время всегда было наполнено для меня теплом.

Выбором подарков (не заказами через сеть, а поездками в моллы), весельем, улыбками, шутками и совершенно безудержным хохотом – когда мы с Рин прикидывали, что будет, если подарить Ингрид какой-нибудь сувенир из интим-магазина.

Это все было настолько давно – сверкающие коробки, банты, пакеты, которые водитель заказанного флайса помогает донести до багажника, а потом до лифта. Смех и игра в снежки. Отчаянно теплые чувства с ароматом шантвейна и хвои, головокружительная скорость центрального катка и предпраздничная суета. Улыбка Дара и первый тост за год, в котором будет много всего чудесного.

– Даргел с Мелори уже здесь?

– Да. – Отец кивнул. – Через пятнадцать – двадцать минут откроют телепорт для первых гостей и журналистов.

Значит, скоро за мной придет Торн. Где-то час у нас будет на то, чтобы всех встретить. А потом...

Я снова сжала холодные пальцы.

– Если не возражаешь, я бы хотела остаться одна.

Отец собирался было возразить, но потом кивнул.

– Да. Да, пожалуй, ты права. Лучше поговорим потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.